

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным
Весна в Париже
Сильнее денег
Перстень Борджиа
Шутки в сторону
Дело о наезде
Запах денег
Карьера убийцы
Он свое получит
Весь мир в кармане
Ты за это заплатишь
Карточный домик
Итак, моя радость...
Без денег ты мертвец
Нет орхидей для мисс Блэндиш
Считай себя покойником
Получи по заслугам
Свобода – опасная вещь

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**СВОБОДА –
ОПАСНАЯ ВЕЩЬ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

**СВОБОДА –
ОПАСНАЯ ВЕЩЬ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Джей Дилейни сидел в шезлонге с книгой на коленях и слушал, что говорит ему внутренний голос. Это вошло у него в привычку. Последние полтора года голос подбивал его совершить акт насилия, но до сих пор Джей на уговоры не поддавался.

Однако сейчас, разомлев на солнце, он подумал, что нынешнее предложение и впрямь звучит соблазнительно. Мысль убить какую-нибудь девушку все чаще приходила ему в голову. Это был бы идеальный способ испытать свой ум, изобретательность и отвагу.

Сквозь темно-синие стекла солнцезащитных очков он наблюдал за незнакомой девушкой на песке ярдах в тридцати от него.

Девушка в небесно-голубом купальнике позировала перед стайкой взмокших от жары фотографов, которые полукругом обступили ее и беспрерывно щелкали камерами — кто стоя, кто с колен. За спиной у них на набережной-променаде Круазет собралась толпа зевак.

Молоденькая блондинка с ладной фигурой и нежным медовым загаром прекрасно вписывалась в кинематографический стандарт. И лицо у нее было миловидное, фотогеничное, с мелкими чертами и живым, открытым выражением.

В сексуальном плане девушка его не интересовала. Он вообще ни разу еще не влюблялся. Но девушка

ему понравилась, он оценил ее свежесть, резвость, жизнерадостность.

Внутренний голос непрерывно зудел: «Девушка что надо. Убей ее. Это будет несложно. Она же типичная старлетка. Остаться с ней наедине для тебя пара пустяков. Намекнешь, что твой отец хочет встретиться с ней, и она побежит за тобой куда угодно».

Джей достал из нагрудного кармана рубашки золотой портсигар — подарок мачехи на его двадцать первый день рождения, с которого прошло всего четыре месяца, — вынул сигарету и закурил.

Девушка перевернулась на живот. Теперь она лежала, подперев подбородок кулачками и задрав кверху скрещенные в лодыжках ноги. Фотографы принялись со всех ракурсов снимать ее длинную стройную спину и округлые бедра, едва прикрытые полоской бикини.

Что верно, то верно, подумал Джей, уединиться с ней будет несложно. Как-никак он сын Флойда Дилейни, а Флойд Дилейни для киностудии «Пасифик» — то же, что Сэм Голдвин для «Метро-Голдвин-Майер». Ему не нужно ломать голову, как заговорить с ней, не вызывая подозрений.

Джей впервые порадовался тому, что отец взял его с собой в Канны. Джей ехать не хотел и пустил в ход все возможные отговорки, но отец, всегда добивавшийся своего, заставил его подчиниться.

Другой был бы счастлив побывать на Каннском кинофестивале, убеждал его отец: тьма хорошеньких девушек, вкусная еда, теплое море и лучшие фильмы со всего света! Чем не каникулы? И Джей нехотя потащился в Канны, как всегда таскался за отцом, куда бы тот ни отправился.

Кто бы знал, как ему надоело вечно плестись в хвосте отцовской славы! Двенадцать лет назад мать Джея выбросилась из окна гостиницы. После ее смер-

ти отец женился — сперва на одной, потом на другой. Со второй женой жизнь не заладилась, и через два года непрерывных ссор они развелись. Третья, итальянка София — изящная брюнетка с огромными синими глазами, точеной фигурой и лицом Мадонны Рафаэля, — была всего на пять лет старше Джей. Выйдя замуж за Флойда Дилейни, миллионера с ярко выраженными собственническими инстинктами, она поставила крест на своей блестящей актерской карьере и перестала сниматься в кино.

В ее присутствии Джей всегда чувствовал себя скованно. Ее красота смущала его, и он старался как можно реже попадаться ей на глаза. Когда им все-таки случалось провести несколько минут один на один, у него возникало неприятное чувство, будто она считает его юношей со странностями. Он часто ловил на себе ее вопросительный, вернее, недоуменный взгляд, словно ей хотелось бы проникнуть в его мысли, понять, что творится в его душе.

Три дня назад семейство Дилейни поселилось в отеле «Плаза». Из Канн они вместе с операторской группой собирались отправиться в Венецию и во Флоренцию — снимать натуру для новой кинокартины, которую планировали запустить в производство в конце осени.

В Каннах отец и София почти все время пропадали в кинозале, знакомясь с лучшими образцами европейского кино. Фильм отца тоже участвовал в конкурсной программе. Его искрометный мюзикл со стопроцентно звездным составом должны были показать в последний день фестиваля, и Флойд Дилейни не сомневался, что получит главный приз.

Джей предпочитал загорать на пляже, а не сидеть в душном зале и смотреть невесть сколько подряд иностранных фильмов. Отец скрепя сердце отпустил

его. Сын мог бы больше интересоваться кинобизнесом. Но раз у парня каникулы, так и быть, пусть потешит себя.

Джей снова посмотрел на девушку в небесно-голубом бикини. Она стояла, расставив длинные стройные ноги и прикрывая рукой глаза от слепящего солнца. На нее напал беспричинный смех, и фотографы добродушно ухмылялись: славная девочка и не строит из себя примадонну, как некоторые стервозные соплячки: купальник нацепят, а ноги помыть не удосужатся, зато гонору хоть отбавляй. Можно подумать, они не телом торгуют, можно подумать, у них уникальный талант!

Один фоторепортер, устало загребая ногами песок, поравнялся с Джейм:

— Мистер Дилейни! Приветствую. Решили пропустить дневные просмотры?

Слегка опешив, Джей обернулся на голос и кивнул.

Ну и тип, подумал он, глядя на помятую фигуру, ну и рожа! Алкаш синюшный. Но Джей приветливо улыбнулся. Он следил за тем, чтобы всегда отвечать вежливо, кто бы к нему ни обратился.

— Кому охота смотреть кино в такую погоду?

— Оно конечно. Только отец-то ваш сейчас в зале. — Незнакомец приблизился и дыхнул на Джея перегаром. — Ваш отец держит ухо востро, с ним никто не сравнится. Думаю, он ни одной картины не пропустил.

— Я тоже так думаю. — Джей кивнул на девушку в бикини. — Кто такая? Не знаете, как ее зовут?

Алкаш повернул голову и прищурился:

— Люсиль Балу. Ничего, а? Пока работает на местную независимую киностудию, но через годик взлетит на самый верх. У нее талант.

— Понятно.

Выяснив все, что ему было нужно, Джей демонстративно раскрыл книгу.

Фотограф окинул его профессиональным взглядом. Красивый парнишка, подумал он. Отлично смотрелся бы на экране, девчонки с ума бы сходили по нему.

— Скажите, мистер Дилейни, не могли бы вы устроить мне интервью с вашим отцом? — заискивающе спросил он. — Хотелось бы услышать его мнение о перспективах французского кино и сделать несколько снимков. Не замолвите за меня словечко? Назовите ему мое имя — Джо Керр.

Джей с улыбкой покачал головой:

— Простите, мистер Керр, но вам лучше обратиться к мистеру Стоуну. Такие вопросы по его части.

Испитое лицо разочарованно вытянулось.

— Да я знаю, но с ним не договоришься. Может, вы бы сами замолвили словечко?

— Бесполезно. Отец глух к моим рекомендациям. — Джей улыбнулся еще шире — обезоруживающей мальчишеской улыбкой. — Вы же знаете, как отцы прислушиваются к сыновьям!

— Ну да. — Керр сник и обреченно пожал плечами. — Ладно, все равно спасибо.

Увидев, что Джей снова взялся за книгу, он поплелся по песку прочь.

Джей опять взглянул на девушку.

Фотографы сердечно поблагодарили ее и гурьбой двинулись к следующей модели — рыжеволосой девице, которая ожидала своей очереди, зазывно изогнувшись на песке.

Люсиль Балу перешла под навес пляжного кафе при отеле «Плаза» и села за столик в каких-нибудь десяти футах от шезлонга Джея.

К ней тут же присоединился низкорослый, крепко сбитый мужчина с шапкой курчавых волос на голове.

В руках он держал женский халатик и пляжную сумку. Опустив то и другое на стол, он одобрительно сказал:

— Молодец, хорошо поработала. На сегодня хватит. Я хочу успеть захватить конец фильма. Ты со мной?

Девушка помотала головой:

— Побуду здесь.

— Как хочешь, только не прячься от людей: тебя должны видеть. Встретимся в шесть в баре «Плазы».

Джей слышал их разговор. Дождавшись, когда коротышка уйдет, он повернул голову и сквозь ширму темных очков стал наблюдать за девушкой. Она открыла пляжную сумку и достала компактную пудру. И правда хорошенькая, отметил он про себя.

«Чего ты медлишь? — спросил внутренний голос. — Ты же давно созрел. Ну так действуй! Она идеальная жертва. Легко можешь заманить ее в свой номер. Твои вернутся туда еще через два часа. У тебя уйма времени».

Джей обвел глазами террасу. За столиками сидело всего с десяток людей. В это время дня большинство съехавшихся в Канны смотрят кино или гуляют вдоль побережья и любуются видами Лазурного Берега. Никому не было дела ни до него, ни до девушки.

Он решил и, чтобы отрезать себе путь к отступлению, резко закрыл книгу и встал. Сердце забилось чуть сильнее, но в целом он был удивительно спокоен, даже расслаблен.

Когда Джей подошел к девушке, она подкрашивала губы, глядя на себя в круглое зеркальце пудреницы.

— Мадемуазель Балу, если не ошибаюсь? — произнес он на безупречном французском.

Застигнутая врасплох, девушка подняла на него взгляд и немного смешалась, но растерянность ее длилась недолго.

— Да. А вы мсье Дилейни!

— Младший. Не путать со старшим. — Джей озорно, по-мальчишески усмехнулся. — Мне везет. Представьте, сегодня утром отец говорил о вас. Хочет с вами встретиться.

Как искренне она удивилась и обрадовалась! Забавно было наблюдать за ней.

— Мистер Дилейни хочет встретиться со мной? Но это же просто здорово! — Она склонила голову набок и с улыбкой спросила: — А вы меня не разыгрываете?

— Нет, что вы! Он велел мне привести вас к нему, как только я вас увижу. Может быть, прямо сейчас, если вы свободны?

— Сейчас? — Девушка явно разволновалась и в упор посмотрела на Джея, глаза ее испуганно расширились. (Она выглядела такой беззащитной! Джей был доволен эффектом.) — Но где?

— В «Плазе», где же еще. Он считает, что у вас большой талант. — Джей снова по-дружески усмехнулся. — Я нечасто соглашаюсь с отцом, но здесь наши мнения совпали.

Лесть не возымела того действия, на которое он рассчитывал. Девушка все так же испытующе смотрела на Джея.

Ей вдруг захотелось увидеть его глаза, скрытые синими стеклами. Несмотря на подкупающую улыбку, что-то в нем настораживало ее. Как бы то ни было, урезонила она себя, если его отец и правда желает встретиться с ней, дорогостоящая поездка в Канны окупится с лихвой. На поездке настоял ее агент Жан Тири, тот самый коротышка, с которым она беседовала несколько минут назад.

— Чем черт не шутит, — сказал Жан. — Конечно, все это лотерея, но кто знает, вдруг какой-нибудь голливудский магнат приметит тебя. Нужно пользоваться случаем. Канны — витрина для таких, как ты.

И тут она вспомнила, что примерно час назад видела, как Флойд Дилейни и его красавица-жена отправились из «Плазы» в кинотеатр.

— Но мистер Дилейни сейчас в кинотеатре.

Джей и бровью не повел:

— Отец редко досматривает фильмы до конца. Обычно он незаметно сбегает через боковой выход. Сейчас он в отеле. — Джей взглянул на свои золотые швейцарские часы. — Потом собирался куда-то выйти, как только закончатся дневные просмотры. Уже половина четвертого. Но если вы заняты, не страшно, как-нибудь в другой раз.

— Нет-нет, я совершенно свободна, — вскочив, сказала девушка, — и с удовольствием встречусь с ним.

— Вероятно, вам нужно переодеться? — подсказал ей Джей.

Паника в ее глазах насмешила его. Ну конечно, она пытается сообразить, как ей за полчаса привести себя в порядок и как одеться, чтобы не ударить лицом в грязь.

— Вы остановились здесь, в «Плазе»?

Она покачала головой:

— Нет, рядом. В «Метрополе».

— Не мучьтесь с нарядом. Отец уже оценил вашу красоту.

Она смущенно засмеялась:

— Мне лучше поспешить, если у меня в запасе всего полчаса. — И она набросила на себя пляжный халатик.

Джей внимательно наблюдал за ней.

Во время недавней фотосессии она держалась так, словно знала себе цену, но сейчас от волнения ее напускное самообладание куда-то улетучилось. Бедняжка боялась упустить свой шанс и суетилась, как школьница.

— Да, вот еще что... — напоследок сказал он, и его свойская мальчишеская улыбка расплылась на поллица. — Вы лучше никому пока не говорите, что встречаетесь с моим отцом. Еще успеете похвастаться. Знаете, как здесь разносятся сплетни... Отец — человек настроения. Я думаю, у него на вас виды, но на всякий случай не стоит забегать вперед.

Она быстро смекнула, какой это риск для ее карьеры и репутации, если пройдет слух, что великий Флойд Дилейни пожелал лично встретиться с ней, только из этого ничего не вышло!.. Но вдруг он и правда сделает ей предложение? Обидно, что Жана нет рядом. Хорошо бы посоветоваться с ним.

— Конечно. Я никому ничего не скажу. Люкс номер двадцать семь? Ну все, я побежала.

— Ждем вас в четыре.

Он проводил ее взглядом. Она вспорхнула по лестнице, а он закурил и опустился на шезлонг. Ему нужно было спокойно обдумать, как он ее убьет. С местом понятно — их семейный люкс. Само собой разумеется, следов оставлять нельзя — никакой крови. Он вспомнил про витые шелковые шнуры — подхваты для штор на широких окнах в гостиной. Наверное, он без труда смог бы заарканить ее таким шнуром и затянуть петлю у нее на шее, прежде чем она успеет закричать.

Он стряхнул пепел и снова с удовлетворением отметил, что совершенно спокоен. Азарт, нервное возбуждение — все, что ему хотелось испытать, — придет после. Само по себе убийство девицы ничего не значит, это не более чем средство для достижения цели. Настоящая игра начнется, когда у него на руках будет мертвое тело в номере люкс знаменитого отеля «Плаза».

Тогда, и только тогда он узнает, чего он стоит, насколько он изобретателен и хитер, потому что у него

уже не будет права на ошибку: один неверный шаг — и он пропал.

А пока он сидел на пляже, подставляя свое красивое молодое лицо жаркому солнцу, гоня из головы все мысли и сомнения. Сердце его забилося сильнее и ладони повлажнели.

Без десяти четыре он встал и не спеша поднялся на Круазет.

Ротозеям, глазевшим на старлеток в предельно открытых купальниках, было не до него. Скажи им кто-нибудь, что он сын одного из самых знаменитых кинопродюсеров, они бы даже не шевельнулись.

Пока он шел к отелю, знакомые киношники кивали ему, и он привычно кивал в ответ. Он был на сто процентов уверен, что все они, частенько терпевшие несправедливые разносы его могущественного отца, считают Дилейни-младшего славным малым, не испорченным папашинными миллионами, и эта мысль его повеселила.

Он попросил ключ от семейного люкса, с улыбкой поблагодарил портье и пешком поднялся на третий этаж, зарезервированный для важных гостей фестиваля. В длинном коридоре, как он и ожидал, не было ни души. В это время никто из кинодеятелей не сидит у себя в номере. Все либо в кинотеатре на просмотрах, либо на террасе — обсуждают дела.

Он отпер дверь люкса 27 и вошел. Номер состоял из просторной гостиной, столовой и трех спален. К приезду Флойда Дилейни апартаменты полностью обновили.

Джей прошел к окну в гостиной, вынул из кольца в стене алый шелковый шнур, удерживавший кремовую портьеру, и придирчиво ощупал его. Достаточно гладкий и прочный, решил он, смотал шнур и положил его на диван, прикрыв подушкой.

Он посмотрел на часы. Без одной минуты четыре.
Он сел.

Меньше чем через минуту она постучится. Минут через пять-десять будет мертва. И начнется самое захватывающее в его жизни приключение.

Он не двигался, глаза следили за стрелкой часов на руке, в ушах раздавалось учащенное тук-тук-тук его сердца.

Когда минутная стрелка дошла до верхней точки, в дверь негромко постучали.

2

В тот день на фестивале показывали индийский документальный фильм — невыносимый, по мнению Софии Дилейни. От музыкального сопровождения ей хотелось лезть на стену; не лучше была и картинка — грязь, нищета и трущобы, снова и снова. Она с тоской думала, как бы ей вырваться на волю, ведь всего в двух шагах пляж, море, солнце!

И когда на экране возникла больница, набитая мужчинами и женщинами, страдающими от каких-то тропических болезней, и пошли крупные планы гноящихся язв и распухших, обезображенных до неузнаваемости рук и ног, внутри у нее все восстало.

Она украдкой взглянула на мужа. Он подался вперед, обхватив руками колени, и честно старался следить одновременно за действием на экране и за французскими субтитрами. Бесполезно было предлагать ему уйти посреди сеанса. Это не в его правилах — зачем подавать дурной пример? В глубине души он побаивался, что однажды настанет день, когда какой-нибудь влиятельный эксперт вроде него самого захочет уйти с его фильма. Его отношение к профессиональ-

ной этике отдавало суеверием: он не любил искушать судьбу, и София прекрасно это знала.

На экране возник мужчина с ужасной раной на груди, и ее передернуло от отвращения. Она дотронулась до руки Флойда.

— Прости, милый, с меня уже хватит. Можно я пойду? — тихо спросила она.

В полутьме она поймала на себе его удивленный взгляд. Но он любил ее и обращался с ней как с ребенком.

— Иди, не мучься, моя сладкая. — Он погладил ее по руке. — Я досижу до конца, но ты иди. Искупайся... или еще что.

Его глаза снова были прикованы к экрану — к той же кровоточащей ране.

— Спасибо, милый, — шепнула она, слегка коснувшись губами его щеки, и пробралась в проход.

Все девятьсот с лишним зрителей в зале видели этот поцелуй — и позавидовали ей: им тоже хотелось бы улизнуть. Выйдя из тьмы на свет, София с облегчением вздохнула и сверилась с часами. Без десяти четыре. Она решила сходить в отель за купальником и поехать на пляж возле казино, подальше от «Плазы» и сутолоки.

Времени у нее было предостаточно — пока этот гнусный фильм закончится, пока его обсудят (без обсуждения никак нельзя)... Флойд освободится не раньше шести.

Она пошла по запруженной людьми улице, улыбаясь знакомым, потом остановилась переброситься парой слов с одним модным итальянским актером, которого Флойд мечтал заполучить. Тот все капризничал и за свой несомненный талант требовал баснословных денег. Итальянец бесстыдно скользил взглядом по ее телу, явно намекая на то, что был бы не прочь с нею поразвлечься.